

Алексей АКИШИН*с. Павино,
Костромская область*

рассказ

Настасье Прокопьевне почтальонка письмо долгожданное принесла — от сына Бориса. Он был у неё один, но парень не в поле обсевок. Институт год назад окончил, работает ныне каким-то начальником; денег, даже когда учился, у неё лишку не припрасивал, а теперь и тем более — наоборот, к каждому празднику ей от него переводы приходят. Она сына на все лады бабам деревенским нахваливала, но и печалилась из-за него иногда, и тоже прилюдно. Письма пишет редко, да и те будто записки наускоре нацарапанные — короткие, вполстранички, а то и меньше. Но главное, сказывала она, не в том.

Бориске скоро уже тридцать минует, а он до сих пор в бобьях ходит. Наверное, он и с девушками тоже так, как с письмами, — и двух слов сказать боится, язык, что ли, жалеет? «Так, — сокрушалась она, — и до внуков не доживу, да и будут ли они?»

Прочитала Настасья письмо, потом ещё раз глазами пробежала — правильно ли всё уразумела... Потом свернула листочек, вместе с конвертом в карман боковой положила и с письмом этим, как с писаной торбой, по деревне понеслась, даже двери на замок не замкнула — приставила к ним старый веник-голик и была такова. От дома к дому девкой-молодухой побежала радостью своею делиться: Борис у нее жениться надумал!

Первым делом к Лидке да Игнахе прималахтала. Они уже обеих своих девок замуж выдали — две свадьбы справили, о которых никто в деревне дурным словом не отозвался. Были мужики перепившие, ни драки, ни шума какого, а пели да плясали до утра самого. И на столах от закусок всяких ломилось. Они подскажут, совет дадут — что и как...

Игнаха, услышав такую весть,

даже заоблизывался, как кот перед кринкой сметаны.

— А я думал, чего это у меня нос намедни чёсился — чуть в кровь весь не исчезал. Аж невтерпеж было. А вон оно что! На свадьбе скоро гулять буду! И у кого? У самого Бориса Анатольевича... Всё! До свадьбы его в рот ни капельки не беру! А уж на свадьбе, — погрозил он пальцем жене, — меня не тормози: ни одного тоста не пропусти! До чёртиков наберусь — ведь праздник-то какой! Свадьба в деревне — это же событие! Редкое, правда, ноне...

Лидия — та сразу по-серьёзному стала рассуждать:

— Свадьба через пару недель, говоришь? Это уже близко — начинать готовиться надо. Дело хлопотное.

— Вот я и пришла бывалых людей спросить. Начинать с чего? — не выпуская письма из рук, спросила Настасья Прокопьевна.

В разговор вновь вклинился Игнаха, не дав жене даже рта открыть. Он достал из ящика ручку и подал соседке:

— Мы с тобой сейчас бухгалтерию свою заведём, калькуляцию составим! Бумага есть. Давай пиши гостей, кого на свадьбу приглашать будешь, посчитаем поимённо, список составим. Записывай первого меня, конечно! А её, — посмотрел он на притихшую жену, — впрочем, и её вписать можно. Записывай! Генку-гармониста — обязательно, без него любая свадьба не свадьба — поминки будто. Весь вечер на гармошке наяривать будет и до потери голоса частушки орать. Ваську-одинца? Есть вопросы. Но я бы позвал. Хоть он и пройдоха, мот и выпить без дела не дурак, но нутро у него, что ни говори, доброе. Пусть такой-сякой, но он же наш, деревенский. Пусть со всеми погуляет, хоть человеком себя увидит... Записываешь?

— Уже записала! Человек и так судьбою обижен, зачем ещё нам его обижать? Позову, — согласилась Настасья Прокопьевна.

— Теперь Николая Седого в список заноси. Он пусть и язва язвой, подковыристый, с душком мужичок и скряга, каких у нас в деревне, наверное, испокон веков не бывало, а обходить стороной его никак нельзя. Тебе же не сегодня завтра к нему на поклон придётся идти, а может, и в колени падать. Вина на свадьбу много потре-

буется? — Игнаха задал вопрос гостье, но тут же на него и ответил: — Много! А зачем тебе лишние траты, денег на свадьбу, поди, и так кот заплакал! Самогоном обойдёшься! Нагонишь к тому времени: Лида даст варенья забродившего, из него брага живо-два уходится. А перегонять? Вот тут надо к Седому тебе клинья подбивать — у него самогонный аппарат имеется, какого, наверное, даже во всем районе нет. В самолётной мастерской где-то в городе сделали, у него брат там кем-то работает, а он от скуки на все руки. Собрал и в подарок привёз. У нас же обе свадьбы только из-за этого нержавеющей прибор пир горой были. И ты первые две стопочки — водочки, а затем бутылки опустеют — знай подливай самогонки. Никто слова не скажет...

Лидия кивнула, мол, по делу мужик говорит: в гостях ведь будут свои, деревенские, — не обесудят и сороками не разнесут, не доведут до греха.

— А вот насчёт продуктов да чего из них готовить, — подытожил Игнаха, — я не советчик. Рыбы к тому дню наловлю — это железно, сети и на реке, и на пруду заранее поставлю. Если барашка колоть надумаешь — позови лучше Седого, у него это аккуратнее и скорее получится, рука набита...

К вечеру Настасья Прокопьевна побывала, поделилась своей радостью со свалившимися на неё как снег на голову предсвадебными хлопотами почти во всех домах. Не заходила только к Василию-одинокому — тот, сказали, с утра, ещё до солнышка, в соседнюю деревню убежал с окучником на плече — кто-то его на помощь позвал. У Николая Седого она долго не засиделась, даже в дом не заходила. Он встретил её в коридоре и сразу — вопрос в лоб: что за нужда её к ним привела? Если денег, то туговато с ними — сами в долгах как в шелках, сын, мол, постоянно, как телок-сосунок, доит...

Настасья Прокопьевна тоже напрямик ему выложила: свадьба, мол, намечается, в гости вместе с хозяйкой приглашаю, но помощь нужна — барашка убрать с утра пораньше в день свадьбы, чтобы мясо было самое свежее. Намекнула, но уже говорила вполголоса, и про самогон, и про аппарат.

— Барашка заколю — вопросов нет. Скажешь только заранее, в какой день — в тот и приду. А про самогонный аппарат Игнаха растрёкал? —

спросил Седой, раздумывая — дать ли ценную вещь или от ворот поворот сделать. Но всё-таки смиловился: — Дам и аппарат, только никому ни гу-гу, и перегонять будешь — все двери закрывай понадёжнее от глаз лишних. Но сейчас не дам. Как стемнеет, с мешком приходи, а потом огородами мышкою незаметной до дому прошмыгнёшь.

За день до свадьбы и молодые в деревне появились. Лидия-Игнашиха наставляла Настасью Прокопьевну: встретить их надо с поклоном, с хлебом и солью на домотканом полотенце, — но не получилось так у неё. С самого утра она все глаза просмотрела, от одного окна к другому в промежутках меж дел металась, но не углядела, проворонила. Увидела, когда они уже за порог ступили, с объятиями с ходу накинлись.

Невестка Настасья Прокопьевне по душе пришлась, приглянулась: бойкая, говорливая, хоть и городская, да и имя какое-то непонятное — в жизни такого не слыхивала. На нерусскую малость смахивает глазами, но, похоже, не чванливая или цаца какая-нибудь, что к ней на кривой кобыле не подкатить. И лицом не красавица писаная, но и уродиной не назовешь, — похожа чем-то на Верку-продащицу. Халат белый на невестку накинуть — и вылитая Верка будет, только росточком пониже и глаза чуть-чуть не такие — враскос, карие.

Но познакомиться ближе с Резедой с пылу-жару не удалось. Невестка с Борисом толь за самовар с дороги засели, начали разговор вести, Игнаха тут как тут — за руку с обоими гостями поздоровался, Настасья Прокопьевне поклон отвесил и присел на скамейку, уши развесил.

Борис к столу соседа пригласил, бутылку водки откупорил, полстакана набулькал:

— Давай за встречу! — предложил. — Может, полнее?

— И за знакомство — тоже! — учтиво улыбнулась невестка.

— Спасибо! — приветливо кивнул Игнаха. — Но я зарок дал — не пью! До завтрашнего вечера... На свадьбе грешно будет на каменку не плеснуть!

Настасья Прокопьевна так толком и не поговорила с невесткой в первый день — не удалось. Молодые ещё и чай не допили — под окном легковушка засигналила.

— Это за нами! — обернулся Борис. — В райцентр надо съездить, людей посмотреть да себя показать. Может, что ещё к столу прикупить? — спросил он у матери, хотя уже с ней разговор о завтрашнем дне был — на кухне, пока чайник закипал.

— Да ничего, пожалуй, не надо, — ответила Настасья Прокопьевна. — Всё готово! Угостим — не хуже людей! Но по-нашему, по-деревенски...

Накануне Настасья Прокопьевна ночи почти не спала — о свадьбе тревожилась: как молодых встретить, как и чем людей угостить? Лидия каждый день забегала, а Игнаха — он и в тот день, когда Прокопьевна письмо им показывала, на прощание заявил: в лепёшку разобьюсь, а чем смогу — помогу свадьбу справиться.

Едва она принесла от Седого аппарат самогонный — в окно стук осторожный. Настасья Прокопьевна — в дрожь разом, уж не выследил ли кто? К окну подошла, а там — Игнаха знаки подает, чтобы она ему двери открыла, разговор, мол, есть.

— Принесла аппарат? — с порога спросил он и, получив утвердительный ответ, продолжил: — Я вот что подумал: зачем тебе самой с этой самогонкой канителиться? У тебя ж и у рук не бывало. А у меня уже опыт какой-никакой есть! Давай аппарат — сам всё сделаю! И по секрету скажу, — тихо, с оглядкой на светящиеся окна дома своего, заговорил он, — тебе и браги никакой ставить не надо. У меня тайком от Лидии пара фляг давно стоит, крепкая уже: спичкой чиркни — как бензин вспыхнет! Только ты — молчок! Ей ничего не говори, но если дрожжи есть — тоже возьму и по новой затворю.

Настасья Прокопьевна примолкла в нерешительности: как поступить с Игнахой? И самой гнать боязно, и аппарат отдать — Седой прознает, — вся затея с самогоном может насмарку выйти: прибежит, заберёт обратно... Но всё же согласилась с Игнахой.

— Сделаю всё — ни одна собака не пронюхает! — заверил он, взваливая на плечо мешок с аппаратом. — А Николаю Седому механизм этот сам могу потом отнести, — бросил он, взявшись уже за дверную ручку.

— А дрожжи? Забыл?

— Во, память дырявая! Давай-давай. У тебя теперь без надобности лежать будут, киснуть...

А через день Настасья Прокопьевна глянула в окно и сразу же от страха занавеску задёрнула. По дороге с полными вёдрами наперевес, будто куда-то на колодец ходил или в речке зачерпнул, грузно шагала Игнаха. Она сразу догадалась: сосед ей самогонку несёт: «И не боится мужик — середь бела дня, да по всей деревне...»

— Принимай, хозяйка! Продукт готов! — зашёл он в избу и поставил полные до краёв вёдра у ног. — Донёс, ни капельки не сплеснул! Разливай пока по банкам да под крышки сразу — лишний градус не улетучится. А потом, перед подачей, снова в вёдра перельёшь — в бутылки удобнее разливать будет... Аппарат уже у хозяйина, как всё перегнал — мешок на хребет и — к Седому. Сколь крепка, — показал он на вёдра, — не знаю. Не пробовал — слово своё держу. Но чиста и запаху почти никакого. Мне бы аппарат такой — хоть завод открывай!

К вечеру молодые из райцентра появились, баб деревенских набежало — чуть ли не все собрались на молодуху посмотреть и о завтрашнем дне поговорить, кому что делать придётся. Командовала Лидия сначала робко — невесты городской стеснялась, но затем осмелела, всем заданий давала: кому картошку чистить, кому поваром быть, кому столы накрывать. Жениха нагрузила тоже — ему велела Седому помогать барана свежевать с утра раннего, а потом мясо на шашлыки готовить. И толь молодичу-невесту берегла — ей на свадьбе надо быть не только нарядной, но и свежей, жизнерадостной, бодрой.

— А ты руки не пачкай! На кухне и без тебя тесно будет, сами с бабами справимся! — предупредила она невесту. — С утра прихорашивайся, наряд примеряй! На тебя ведь, как на икону, каждый смотреть будет — весь вечер глаза о тебя мозолят...

Стол уже были накрыты. Настасья Прокопьевна на пару с Лидией окинули их хозяйским глазом — не упустили ли чего. Места на всех хватит ли? А гости деревенские уже толпились под окнами — громко балаболили, Генка-гармонист пиликал вовсю и притопывал ногами. Николай Седой подошёл — нарядился, что его и не узнали сразу: в туфлях лакированных, в рубашке белой с широким цветастым галстуком, в светлой фуражке. Игнаха, увидев его таким, чуть было язык

свой не впустил, не болтанул лишнего, мол, теперь одет — мужик мужиком, посмотреть любо-дорого, а то всё как пугало огородное ходишь. Но сдержался и только заметил, что Николай сегодня неузнаваем — на председателя колхоза схож, а может даже и — бери выше! — на самого предрика¹. Гости то и дело посматривали на часы — раньше времени заходить не решались.

В сторонке от толпы сиротой казанской переминался с ноги на ногу Василий-одинец. Был он не столь наряден — в том, в чём обычно по деревне ходил. В руках его большим ярким венником красовался букет георгинов. Из прогона подошли двое незнакомых молодых парней и тоже встали в сторонке.

Борис выглянул в окно и позвал мать. Та не слышала: была в кладовке — самогон из банок, как подсказал Игнаха, переливала. Борис сам убежал к ней:

— Мам, надо бы ещё один стол на всякий случай накрыть, — предложил он. — В райцентре с друзьями школьными встречался — так меж словами получилось, пришлось пригласить. Всё равно, говорят, придём — даже гостями незваными, сычами. Я думал, они шутят, а уже двое здесь... Может, ещё кто появится.

Настасья Прокопьевна задумалась: и столов больше в доме нет, — но, когда заикнулась об этом Лидии, та только рукой махнула:

— Пустяки какие! Стол сейчас будет, а накрыть — проще простого: наготовлено всего, неделю всем кагулом пировать можно!

Лидия выскочила к мужиками, кышкнула Игнаху к себе домой, подозвала Василия-одинца:

— Чего стоишь как не от мира сего? Отдавай букет мужикам и дуй за Игнатием! Стол принести надо.

Первый тост произнесла Настасья Прокопьевна. За столом было тихо, будто в избе и не было никого. Хозяйка стоя выпила за молодых и даже ножкой притопнула так, что вилки о края тарелок забрякали. Тихий говор ручейком полился.

Ко второму тосту появились ещё два запоздалых гостя — тоже друзья жениха. Они скромно присели за стол, Генка-гармонист и Игнаха тут

¹ Предрик — сокращенно от «председатель районного исполнительного комитета».

же на них насели: штрафную, мол, надо выпить. Парни поломались-поломались, но разве отвяжешься: мужики настырны, да ещё Лидия к ним стрекозой жужжащей подлетела, не отстает — за шиворот грозится водку вылить, если до дна первый тост не выпьют. Игнаха дождался, когда опоздавшие гости опрокинут по штрафной, встал и властно попросил тишины: слово, мол, доброе молодым хочу замолвить.

Он начал говорить, но неожиданно замолк. Игнаха, посмотрев в раскрытое настезь окно, тревожным взглядом стал искать хозяйку дома. Та сидела рядом с женихом, происходящее на улице она уже уловила. Теперь Настасья, сжавшись в комочек, поглядывала то в окно, то на сына. На дворе тарыхтел мотоцикл — жёлтый, милицейский: участковый зачем-то приехал.

«Неужто про самогонку пронюхали или, может, видел кто Игнаху с вёдрами и проговорился? — строила догадки Настасья Прокопьевна. — Теперь и свадьба вся комом пойдет! Водки осталось уже с гулькин нос... Да и самогон на самом виду — найдёт сразу!» Она глянула на Игнаху. Тот уже и забыл, что хотел представление своё молодым сказать, теперь он сидел за столом, перед ним — стопка. Игнаха встретился глазами с Настасьей Прокопьевной и приставил палец к губам: молчи, мол, как рыба, а то обоих в каталажку упекут.

Подоспевший Валерий Павлович с улицы широко раскрыл двери и шагнул за порог. Был он в милицейской форме, перепоясан широким ремнем. Участковый повесил фуражку на гвоздь, подошёл к столам:

— Доброго вечера! А вам, — кивнул он молодым, — совет да любовь! Ну, чего притихли? — окинул он взглядом присмиривших гостей, прошёлся вдоль столов, здороваясь с мужиками за руку.

Василий-одинец не ожидал такого поворота... Ещё неделю назад он прятался от Валерия Павловича, полдня просидел в крапиве подле дома своего — и всё оказалось напрасно. Участковый перехитрил его: поискал-поискал, завёл мотоцикл и протарыхтел — мол, укатил восвосяи, за деревней остановился и пешком воротился. А Василий тут как тут: из жгучей крапивы вылез и волдыри на голых руках от неё рассматривал. Тут участковый его и заграбастал, в отделение увёз и в паспортный стол сдал — документы не в

ладах были. А он страху тогда натерпелся: думал, кто-нибудь на него снова пожаловался.

Теперь Василий сидел за свадебным столом, понуро опустив голову, боялся поднять глаза, но, когда увидел перед собой широкую ладонь участкового, встрепенулся пуганой птицей, даже с места соскочил — руку в ответ протянул и ощутил тёплое крепкое рукопожатие.

— Привет, беглец! — улыбнулся ему Валерий Павлович. — Ну, как я тебя на мякине провёл? Но, — погрозил пальцем, — за паспортом и другими документами следить надо. И соседей своих не обижай!

— А я — ничего, — смущённо проговорил Василий, — со всеми в ладах живу. Если что и бывает, так шутки ради.

Настасья Прокопьевна уже волчком крутилась — готовила место для нового гостя, искося поглядывала на молодых. Потом незаметно для других подала знак сыну, позвала за собой на кухню.

Борис послушно встал, шепнул что-то невесте и громко обратился к участковому:

— Валерий! Сядь-ка сюда, — указал он на свой освободившийся стул, — место посторожи! А то у нас мужики не промах, займут и глазом не моргнут! Могут и невесту увести. Садись, привыкай! Может, и сам скоро в моей шкуре окажешься. А я отлучусь на минутку!

Мать встретила Бориса шёпотом:

— Милиционер-то на кой ляд к нам припёрся? Приглашал, что ли?

— Да мы же с ним в школе вместе сугробы мяли. Вот встретил в райцентре. Он сказал: приду, порядок на свадьбе проконтролирую. Ну, я и сказал: приходи! Думал, он шутит, а он и вправду пришёл. Места всем хватит! Не объест, да и мужик он свой в доску, компанейский...

— Может, и компанейский, но водка у нас уже кончается — потом, — показала она на ведро, — самогонку подавать будем. Тут как? Похоже, пропали мы с Игнахой. Ежели чего, он и до него докопается, а там, может, и до Николая доберётся. Штрафу навывписывает или — хлеще того — в суд потащит. Надо же было позвать его на наши головы!

— Да успокойся, мама! — Борис обнял её за плечи. — Всё будет нормально! Сейчас уладим... — и вернулся к столу.

Не присаживаясь на своё место, Борис склонился к участковому. Они попережёптывались, потом милиционер встал из-за стола, откашлялся, поправил на себе форму и, сделав серьёзное лицо, направился на кухню, сопровождаемый хмурым взглядом пригорюнившегося Игнахи. Там осиновым листом тряслась от волнения Настасья Прокопьевна.

— Где тут самогон? — строго спросил участковый. — Показывайте!

— Вон в ведре, — вполголоса ответила хозяйка, нервно покусывая уголок свисающего с плеч платка. — Раньше у меня в доме запахи его никогда не бывало, на свадьбу сварила...

— Да вы, Настасья Прокопьевна, не волнуйтесь! Сейчас всё оформим, — сказал участковый и расстегнул кобур. — Итак, приступим к визуальному осмотру объекта преступления, — он наклонился к ведру, посмотрел внимательно и заводил носом. — Так, на вид — самогон чистый как слеза. Запахи сивушных масел и других примесей не обнаруживаются.

Участковый отпрянул от ведра, выпрямился и положил руку на кобур.

У Настасьи Прокопьевны чуть ноги не подкосились. Сейчас, думает, достанет он наган, наставит на неё, выведет в зал и заявит прилюдно: «Самогонщицу арестовал!»

Но Валерий Павлович и в думках не имел такого:

— Ну-ка, налейте-ка мне полстаканчика, а то визуально не то получается, поверхностно, так сказать... Попробую, тогда и вердикт окончательный вынесу.

Настасья Прокопьевна не всё поняла, что сказал участковый, но сообразила: самогонки для пробы надо черпануть. Она достала из комода гранёный стакан, налила в него ковшиком половину и протянула милиционеру.

Тот выпятил грудь, шумно выдохнул в сторону и выпил залпом. Потом он замер, глядя на потолок, а рукою снова полез в расстегнутую уже кобур. Сердце у хозяйки ёкнуло: «Что-то не то! Сейчас арестовывать начнет».

Но Валерий Павлович вытащил оттуда не устращающее оружие, а... шоколадную конфету и озорно подмигнул Настасье Прокопьевне:

— Хорош самогон! Во! — показал он кулак с поднятым большим пальцем и бросил в печку скомканную обёртку. — Такой и на свадебный

стол подавать не стыдно! Но, — погрозил он, — только на свадебный! Ради такого случая простительно! А это, — похлопал он по кобуре, — сегодня только для красы, так сказать, для полного комплекта формы моей, для солидности. На праздники я без пистолета хожу, чтобы мало ли чего не получилось. А утихомирить кого, скрутить — силой бог не обидел. Да и хулиганить у вас здесь некому. Так что не бойтесь, наливайте смело — нарушение закона налицо, но по причине свадьбы глаза закрою. Причина, так сказать, уважительная. Такое, может быть, раз в жизни бывает, — разговорился Валерий Павлович. — Самогонка хороша у вас, выпил всего ничего, для пробы только, а уже чувствую — в голову подало. — Участковый вышел в зал.

На смену ему мышкой юркнул на кухню Игнаха, глядя на ведро с самогоном, сразу же коротко спросил:

— Как? Что сказал?

Настасья Прокопьевна жеманно пожалала плечами:

— Даже понравилась ему твоя самогонка — на стол, сказал, подавать можно. Закона нарушение, мол, есть, но глаза закроешь. Так что всё обошлось, слава богу. Зря, наверное, Васька тогда на картошке про него страхов разных наговорил. Пустобрех и есть пустобрех — на себя и на людей наговорит, как тень на плетень навесит. Валерий Павлович куда с добром мужик...

— Я даже напугался, — признался Игнаха и посвежел лицом, — думал, каюк нам с тобой. Колюха Седой тоже как на иголках сидит. Увидел участкового — на кой ляд, говорит, его позвали? Упаси господь, мол, кто язык по пьяни выставит, про аппарат его самогонный провещится². Тогда, дескать, штрафом одним и не отбрыкаешься, за решетку загреметь можно. А оно вон как обернулось! Всё тихо-мирно! Тащи со стола порожние бутылки, разливай буду.

Настасья полезла было в шкаф за бутылками, но, припомнив, обернулась к Игнахе:

— Он предупредил, однако, если кто пожалуется, да ещё в письменном виде, каюк придёт. А особо, когда сообщат, что мужиков самогоном спаивают без всякого на то повода, — тог-

² Провещать — здесь: «сказать, обмолвиться».

да, мол, пощады не жди. По всей строгости законов разбираться будет...

— У нас же повод есть! — воспрял духом Игнаха. — Гони посуду, раз дал он добро — стесняться нечего, на попятную, полагаю, не пойдёт.

Притихший при появлении гостя в милицейской форме народ через час-другой будто подменили: развеселились, смелыми стали. А бабы меж собой втихаря судачили: кабы не милиционер этот, и на свадьбе бы, может, как на поминках было. Геннадий бы попиликал, пока с ног не свалило... Ну, Фрол Фомич ещё... А заводил у нас таких и отродясь не было. Лихой парень!

А Валерий Павлович — то ли самогон после дегаустации так на него повлиял, то ли он и по жизни такой весельчак был, — за какие-то минуты своим в доску стал, будто он в этой деревне вырос. Он всех уже по имени-отчеству величал.

Геннадий Прокопьевич гармошку едва в руки взял, милиционер уже посредине зала сапогами захрохал. Бабы, да и жених с невестой в ладошки захопала, наперебой восторженно закричали, но из-за стола не выходили — робели пока. Мужики тоже не насмелились, хотя голосами своими одобряли его. Участковый прошелся по кругу, выписывая такие кренделя, что деревенские стали сыскаса переглядываться: где, мол, нам за таким плясуном угнаться.

— Валерий! Валерий! — закричал с места жених, стараясь перекрыть голосом переборы гармошки, застольный шум и гам. — Вприсядку! Вприсядку давай! Вспомни школу! Как лихо на КВН отчебучивал — искры от подмётки отлетали!

Тот остановился, глянул на молодых и объявил:

— Слово жениха сегодня закон! По его заявке — матросский танец! — участковый живо снял с себя португею, на секунды отлучившись из зала, швырнул её на пустую кровать в соседней комнате, китель полетел следом: — А ну-ка, Прокопич, меняй пластинку! — вернувшись к народу, велел гармонисту. — Наяривай «Яблочко»! Можешь?

— А то как же! — бойко ответил Геннадий Прокопьевич. — Сегодня я всё могу!

Он поправил ремни на плечах, но задержка вышла. К нему из-за стола подлетела Верка-продавщица, поставила прямо на перла-

мутровую ещё не распаханную гармонь две стопки самогона — он уже вовсю в ходу был.

— Это наказ молодых! — пояснила она на весь зал. — Пока не опростаете — ни сыграть, ни сплясать. Ну что? Поднимем за здоровье молодых, за нашу новую, — Верка замялась на мгновение, обвела зал глазами, — ...за нашу новую деревенскую семью! Пусть и в городе живут, но они теперь оба наши! За них — подняли, вздрогнули!

— Стоп! — поднял руку милиционер. — Минуточку! В этом, — показал он на стоящие на гармошке стопки, — я усматриваю грубейшее нарушение! Это же неприкрытое спаивание представителя местной власти и наиболее активного на сей час гостя! Непорядок! А его исправлять надо! Наполняем бокалы, стопки и все вместе, стоя и до дна, — за молодожёнов и за здоровье хозяйки этого дома!

От такого предложения никто не устоял. Даже Верка-продавщица, которая всех угощала, а сама и глотка, наверное, ещё не сделала, только язык в рюмку окунала, — и та зажмурилась и, не переводя дух, залпом рюмку осушила.

Парней, сидящих за самым крайним столом, потчевать особо нужды не было. Они у себя сами командовали, стопки пустыми не держали, только выпивали и тут же вновь по полной наливали. Ребята встали дружно, но пить разом не стали, а только пригубили и хором закричали:

— Горько!

Валерий Павлович, будто дирижёр, замахал руками и тоже закричал:

— Горько! Горько!

Эхом со всех сторон отозвались голоса.

Молодые, стеснительно прикрываясь от всех белоснежной фатой, приникли друг к другу. А когда они открыли лица и присели на свои места, милиционер объявил:

— Нарушение устранено! Молодцы! А теперь — заказанный молодыми матросский танец! Аккомпанирует, — сделал он руку навзлёт в сторону зардевшегося гармониста, — Геннадий Прокопьевич! Поехали!

Грянула гармошка. Милиционер свистнул Соловьём-разбойником, руку — на затылок и пошёл отkabлучивать! Потом ладонями в бока упёрся, вприсядку пустился, выкидывая вперёд то одну, то другую ногу. Гости за столом

даже с места встали: шеи вытягивают да меж собой переговариваются:

— Смотри-ка, в сапогах, а так выплясывает! — дивилась Лидия, незаметно подталкивая мужа в бок. — Нашим так и не снилось! Вы только и умеете задом трясти или прыгать, будто бесы в вас вселились.

— Может, он учился этому! — обиженно произнёс Игнаха. — А нас кто учил? Ты, что ли? Или завклубша-баржа, которая смолоду каракатицей ходит, сама еле ноги передвигает?

— Бориска говорил, что милиционер этот ещё в школу ходил и уже тогда на сцене выплясывал. Просто мужик такой — весёлый и способный! — припомнила жена.

— А я, что ли, не таковский? — повысил тон Игнаха. — Ты, Лидия, своего мужа не смей хулить! Да я!.. — начал он. Примолк, выискивая что-то на столе, а потом схватил не выпитую кем-то стопку самогона и, запрокинув голову, опрокинул её — одним глотком. — Да я сейчас не хуже его отбациаю! Ух, отчебучу!

Игнаха отставил к стене стул, начал проталкиваться меж столом и стеной.

— Куда тебя понесло? — прошипела на него жена. — Дурак, только мешать будешь! Дай хоть люди посмотрят, порадуются...

Но Игнаха только рукой на неё махнул: не встречай, мол, в мои дела! Докажу, что и у меня способностей этих выше крыши, может. Его за живое задело: как же так, он — лучший плясун в деревне — на этой свадьбе где-то на задворках оказался. Быть такого не может!

Мимо столов, лавок, стульев он пробрался на середину зала и остановился рядом с Валерием Павловичем, который пошёл вприсядку. Увидев Игнаху, тот выпрямился, встал перед ним в струнку, затихла разом гармошка.

— Давай вдвоем! — предложил он милиционеру. — Я тоже так запросто смогу!

— Ура! Нашего полку прибыло! — улыбнулся Валерий Павлович и скомандовал гармонисту: — Ну, наяривай! С самого начала! Мы — мужики выносливые! Правда, Игнатий?

Тот кивнул головой и, глядя искоса на своего напарника, руку за голову задрал. Взревела гармошка, мужики сразу оживились, тоже дробь отбивать стали.

— Смотри, — шепнула Лидии Верка-продав-

щица. — И у твоего что-то получается. Вот мужик — сколь годов таился, что талант танцора имеет.

— Сама дивлюсь! — пожала плечами Лидия. — Сколь вместе по гулянкам разным да пивам бывали — не видали его таким. Это, наверное, не он, — похоже, вино пляшет. Ведь ни одной мимо рта не обносит сегодня, да ещё и чужие прихватывает. Того и гляди скопытится и всю свадьбу на боковой проведёт.

Валерий Павлович глянул мельком на своего напарника-плясуна и подмигнул: пора, мол, и вприсядку пуститься — класс гостям показать. Игнаха не сразу сообразил, но, когда увидел, что участковый, будто поплавок, замелькал, присмотрелся к нему и тоже начал приседать. Но получалось у него не так ловко и красиво — как утреннюю зарядку делал, для равновесия вытягивая руки вперёд. Вот он упёрся ладонями в бока, присел и попытался выбросить ногу вперёд, как это делал Валерий Павлович, но не удержался, опрокинулся назад. В воздухе мелькнули все ещё дергающиеся Игнахины ноги, упал он головой на самодельный громоздкий стул. В зале поднялась суматоха. Кто-то безудержно хохотал, кто-то охал, ахал и проталкивался на помощь. Но подсобить Игнахе никому не удалось — не успели. Зажимая ладонью ушибленное место, он поднялся сам, подошёл к милиционеру и, морщась от боли, проговорил:

— Вприсядку давно не плясал... Разучился, похоже. Мы с тобой русского ещё пооткаблучиваем. На вылет — ну кто кого перепляшет. Вот там, могу даже поспорить, верх мой будет! Голову на отсечение даю — перепляшу, а если ещё и с частушками, то вообще в ошмётках оставляю!

— Добро! — ответил Валерий Павлович. — Вечер долгий, да и ночь впереди. Посмотрим! Мы пока отдохнем. А ты играй, — хлопнул он по плечу гармониста, — сейчас я пляску организую. — Он окинул зал — из конца в конец пробежался глазами: — Гости дорогие! Непорядок! Мы, значит, с Игнатием до упаду выплясываем, а вы сиднем сидите! Свадьба ведь! А ну все — в круг! Прокопьевич, русского заводи!

Бабы сразу зашевелились, стульями загремели и одна за одной потянулись из-за столов. Жена гармониста ещё на ходу частушки запела. Мужики капризнее оказались. Из них только Николай Седой уже тёрся в толпе весе-

лящихся и приплясывающих женщин. Парни за крайним столом даже и не подумали с места вставать: сидели и наперебой о чем-то рассказывали друг дружке. Они будто и не слышали приглашения. Бригадир — тот на закуску налегал: на одно, на другое блюдо набрасывался, обставился ими с обеих сторон.

Игнаха от милиционера глаз не отрывал, за каждым его жестом следил не моргая. Перед ним уже стояли две полные стопки самогона, и он выжидал, когда участковый на него глянет, — тогда Игнаха позовет его к себе: садись, мол, компаньон, рядышком, пропустим по одной.

Но Валерий Павлович стал вытуривать засидевшихся мужиков из-за столов, стыдить их, что они на свадьбе, а сидят как с коровой продешевили и теперь только и знают промашку свою вином залить. Парни подчинились сразу и уже застучали каблуками. Васька Бобыль зартачился: не умею, мол, я потом под магнитофон потанцую. Там, дескать, и музыка подходящая, стильная, и сам он к тому времени в форму войдёт — посмелее будет. Участковый не отставал, за рукав его ухватил. Но Василий, как бык, заупирался — даже магнитофон, принесённый им же самим, чуть с подоконника на пол не грохнулся, стол с места тронулся. Тогда Валерий Павлович наклонился к нему и прошептал что-то на ухо. Василий в ответ кивнул, покорно встал из-за стола и втиснулся в разошедшийся в пляске круг, растворился среди мужиков и баб. Не стал дожидаться участкового и бригадира: он прихватил со стола котлету и тоже, раздвигая стулья и табуретки, стал продвигаться вдоль стены.

Игнаха за столом цвёл майской розой и похлопывал ладошкой по скамье, приглашая к себе за стол участкового. Тот согласно кивнул головой, но вначале подошёл к молодым: вас, мол, выкуривать с места права сегодня не имею, смотрите сами — вы хозяева.

Плясали долго. Одни, пройдя круг-другой, устало присаживались, переводили дух, другие — самые стойкие — вошли во вкус и дробили без отдыха. Геннадий Прокопьевич раскраснелся, на лице — капли пота, но не сдавался, хотя нет-нет да опускал руки от гармошки, взмахивал ими взад-вперёд и начинал работать мехами и планками с новой силой.

— Бабоньки! — выскочила в центр круга жена бригадира. — Давайте отдохнём!

Все остановились, гуськом потянулись за столы — на свои места. Василий покопошился у магнитофона, включил его, полилась негромкая музыка, тонущая в оживлённом гомоне гостей, зазвенела посуда.

Вновь зазвучали тосты, гости вставали с места, подходили к молодым и вручали подарки, при этом всяк, принимая из рук жениха и невесты бокал, на всю избу кричал:

— Горько!

Присутствующие, как водится, тут же отзывались разноголосым эхом:

— Горько!

Молодые целовались уже без тени сомнения. Застолье затянулось. Игнаха сидел как на иголках, крутил головой, бросал вопрошающие взгляды то на Геннадия Прокопьевича, то на участкового. Чтобы его раньше времени не обашмурило и не вывело из строя, он не всякий раз по полной приголубливал — по полстопочки только, а иной раз вообще пропускал: вид делал, что пьёт, — губами прикоснётся и обратно на стол ставит. Шумно, галдёж поднялся, тары-бары за столом начались.

Наконец-то Игнаха поймал взгляд участкового:

— Валерий Павлович! — окликнул он его. — Уговор дороже денег — на попятную не пойдёшь? Пора бы уже...

— Пожалуй, можно и размяться! — согласно повёл плечом участковый, выискивая глазами место среди гостей, где бы можно протиснуться в серединку зала. — А чего мы вдвоем, как одиночники! Давай всех пригласим.

— Что, Валерий Павлович, очко заиграло? — с укором ухмыльнулся Игнаха. — Один на один, значит, не получается?

Но участковый не дал ему выговориться:

— Гости дорогие! — крикнул он громким командирским голосом и обвёл присутствующих взглядом. — Все — в круг! Игнатий меня на турнир пригласил — кто кого перепляшет. Прошу всех принять участие! Мы с ним — до победного конца, а остальные... — задумался, но, не найдя нужного слова, махнул рукой: — Остальные — как пожелаете! В круг все — свадьба же! Веселиться надо! А то сидим, как на базаре, семечками торгуем.

— А ну, Василий, — входя в раж, на ходу крикнул Игнатий, — закрывай свой гроб с музыкой! Время для ваших буги-вуги ещё не подошло! Сейчас наш черёд! Айда все с нами!

Геннадий Прокопьевич уже занял свое место, пикинул раз-другой и молча помаячил рукой, подзывая к себе Игнаху:

— Слушай, — вполголоса заговорил он, когда плясун склонился к нему, — знаю я тебя, каковы ты в кругу. Мне ведь одному не выдюжить! Надо, чтоб на подхвате был кто-то...

Игнаха пошарил глазами в образовавшейся толчее и вопрос этот решил мигом: Фрол Фомич с нескрываемой радостью согласился на время передышки подменять гармониста.

— Глядишь, и я, — отозвался он, — отличусь — на свадьбе поиграю. А то всё Геннадий да Геннадий, будто Фрол ни уха ни рыла в гармошке не понимает или по старости списали... Есть ещё порох в пороховницах — и с ним могу потягаться!

За столами опустело — даже невеста с женихом с места снялись, встали в круг. Гармонист уже пикинул, пробовал голоса. Рядом с ним наготове сидел сменщик Фрол Фомич и притоптывал ногой. Участковый и Игнаха петухами-забияками стояли один против другого. Все выжидали, когда Геннадий Прокопьевич развернёт меха во всю ширь и даст команду.

Пол в доме заходил ходуном. Игнаха отдрабливался, гордо вскидывал голову, горланил частушку и, не оборачиваясь, отступал назад, уступая центр круга другим. Валерий Павлович не поддавался, с приплясом и широко раскинутыми руками выходил навстречу сопернику, пел ответную озорную частушку и всякий раз, завершая выход, гордо встряхивал головой.

Игнаха тут же заметил это, сочинил на ходу и, задержавшись перед самым носом милиционера, надрывно пропел:

*— Про себя сказать посмею —
Нету лучше плясунов!
Ты — уже без португези —
Скоро будешь без штанов!*

В зале поднялся громкий смех, одобряющие крики:

— Давай-давай, Игнаха! Отчебучивай! Не подводи деревню! Перепляши его!

— А это мы ещё посмотрим, кто кого! — участковый, не выходя из круга, скинул с ног сапоги и швырнул их под скамью, следом полетели и белые байковые портянки. — Ну, теперь держись, Игнатий!

Рядом с ними уже никого не осталось. Все расселись и с одобрительными возгласами лупили в ладоши. Никто и не заметил смены игроков: в гармошку уже наяривал Фрол Фомич, а Геннадий Прокопьевич сидел с ним рядышком и потирал руки, поглядывая то на плясунов, то на своего напарника — не устал ли? Но Фрол Фомич держался по-молодецки бодро и даже подпевал плясунам.

Василий-одинец подскакивал с места и кричал при каждом переплясе:

— Палыч! Покажи класс, чтоб носы наши не задирали!

— Шиш ему! Победа будет за нами! — гордо заявил Игнаха и бросился в пляс с новой прытью.

Он решил повыпендриваться перед участковым: выставляя при переплясе крест-накрест то одну ногу, то другую, — показать ему, как могут откаблучивать деревенские мужики — мы, мол, тоже не лаптем щи хлебаем. Получалось обычно у него это легко, складно, а в этот раз — гости деревенские сразу заметили — начал фальшивить, сдавать: видимо, уже устал, хорохорился, петушился, но как будто через силу. На раздумявшемся лице и раскрасневшейся шее уже искрились бисеринки влаги, выдававшие плясуна: вот-вот выдохнется и обессиленно рухнет. Но он не сдавался, широкой растопыренной пятерней откидывал со лба на затылок сползающие волосы, снова и снова, стуча каблуками и грузно притопывая, грудью напирал на соперника своего. С носа Игнахи одна за другой капали на пол крупные капли пота.

Участковый отплясывал в одних носках, без кителя. Форменная рубашка потемнела на лопатках. Влажное пятно на ней ширилось и опускалось вниз. В ответ на вызов соперника Валерий Павлович тоже было пустился крестить ногами, но получалось у него не столь ловко и аккуратно, как у Игнатия. Тогда он, озорным свистом сопровождая перестук пятками по полу, стал приплясывать вприсядку. Участковый тоже уже едва удерживал равновесие, да и свист выходил каким-то отрывистым, как сдавленным.

Фрол Фомич, не мешкая и не прерывая игры, передал гармошку уже ёрзающему рядом Геннадию Прокопьевичу, а сам, размяв в кулаках онемевшие пальцы, подбадривая плясунов, в такт им хлопал в ладоши.

— Давай на ничью! — не вытерпел и первым предложил Валерий Павлович.

— Никаких ничьих! До полной победы! — категорично заявил Игнаха и тут же добавил: — Уморился, что ли?

— Тогда знай наших! — крикнул, переведа дух, участковый, на ходу расстегнул прилипающую к телу рубашку и кинул её на колени Верке-продавщице. — Эх, берегись!

Игнаха тоже не лыком шит — ответил такой же выходкой: расстегнул ворот рубахи, рванул её изо всех сил так, что пуговицы по полу посыпались, и отшвырнул в сторону. Потом сбросил с ног начищенные до блеска полуботинки:

— Теперь посмотрим, кто кого! — и снова пустился в пляс, махнув рукой на крик жены:

— Да попустишь ты, дурак! Носки на тебе драные, позорище ведь!

А у Игнахи только пятки голые сверкали. И никто внимания не обращал на изношенные носки. Пляска продолжалась.

— Всё! — неожиданно крикнул Валерий Павлович, вытер с лица пот и раскланялся по всем четырем сторонам, потом протянул руку Игнатию, продолжающему дробить: — Всё! Сдаюсь!

Игнатий ответил на рукопожатие и, гордо задрав голову, в пляске прошёлся по кругу, а потом, не выбирая места, шумно ухнул на скамейку. Мужики пожимали ему руки — не подкачал, мол, не подвёл деревеньку нашу, бабы — те хвалили наперебой. Верка-продавщица даже в щеку его поцеловала и на ухо что-то ласковое шепнула, отчего Игнаха, будто ребенок малый, расплылся в улыбке.

Валерий Павлович по-быстрому напялил на ноги сапоги, напялил рубаху, причесал шевелюру и подошел к Игнахе:

— Да, силён ты в пляске! Пойдём, гармонистам руку пожмём, они ведь тоже, наверное, изо всех сил тужились!

Плясуны подошли к сидящим рядышком Фролу Фомичу и Геннадию Прокопьевичу, отвесили поклон, пожали руки, а участковый даже обнял обоих. Он хотел было что-то ска-

зать гармонистам, но не успел — жених с невестой подлетели.

— Гармонистам, плясунам надо выпить по сто грамм! — крутанулась перед ними невеста, держа в одной руке тарелку с закуской, в другой — пенящееся пиво в гранёном стакане.

— Не буду одно с другим мешать, — заартачился было Фрол Фомич, отстраняя от себя протянутый стакан.

Но мужики загалдели, стыдить стали: чего, мол, молодлицу Настасьи Прокопьевны не уважаешь или мы для тебя компания не та. Валерий Павлович — и тот молодых поддержал. Фрол Фомич не устоял, сдунул со стакана белую пенистую шапку и, повернувшись к столам, громко закричал:

— Горько!

Его дружно подхватили парни с «камчатки», которые уже всю хозяйничали за своим столом. Игнаха заорал что есть мочи, им многоголосно вторили бабы. Молодые даже уши от такого гвалта ладонями прикрыли, а потом, когда они потонули в объятиях, в зале стихло, только участковый негромко вёл счёт да Верка-продавщица с неподкупной завистью в такт ему лупила в ладоши. Удовлетворенный Фрол Фомич приложился к пиву. Пил он мелкими глотками, словно снимал пробу, а когда на дне не осталось ничего, передал невесте пустой стакан и сделал своё заключение:

— Хорошее пиво — на хмелю, ароматное и забористое. Значит, и вы, — окинул он взглядом молодожёнов, — хорошо жить будете! Дай вам бог всю жизнь друг дружкой любоваться!

Василий, как только затихла гармошка, снова включил свой магнитофон. Сначала врубил на полную катушку, но кто-то из баб его одёрнул: сделай, мол, потише, дай молодым слово сказать.

Магнитофон заиграл вполголоса, но Василий от него не отходил и даже руки от кнопок не отнимал. Он берёт его как зеницу ока. Магнитофон ему двоюродный брат с Севера привёз и подарил на день рождения. Их в деревне не было, да и во всей округе ещё искать да искать. В клубах деревенских после кино пластинки крутили. Друзья, бывало, подкатывали к нему по пьяной лавочке — продай да продай, зачем он, мол, тебе, бобылю, нужен. Василий к их словам и не прислушивался — меж ушей пропускал и речи об этом даже не вёл. Хотя, бывало, он не-

делями с хлеба на квас перебивался, когда в доме у него, кроме соли да чёрствой горбушки, случалось шаром покати. В одном только иногда Василий грустинку таил: был бы магнитофон переносной, на батарейках, тогда бы он вообще себя королём чувствовал. Вышел бы на улицу, прохаживался, задравши нос, с гремющей от околицы до околицы громкой музыкой и был бы первый парень на деревне. А то Васька-Бобыль да Васька-Бобыль...

Все снова расселись за столами. Игнаха сидел вместе с участковым, уже будто с другом закадычным, оживлённо рассказывал, как он прошлой зимой всех плюсунов района с носом оставил — переплясал, а потом ещё по шести пятиметровому обледенелому, будто кошка, на самый верх за призом вскарабкался.

Жена уже не раз его перебивала, одёргивала: дай, мол, человеку слово сказать, тебя не переслушаешь — мелешь и чуру никакого не знаешь.

Игнахе слова её как о стенку горох — он на жену и усом не повёл.

Тогда она заискивающе улыбнулась участковому:

— Валерий Павлович, вы уж не обессудьте его, балаболку, — выпить дураку нисколько нельзя! Шляя под хвост попадет — и язык распускает, порет чушь всякую. Вы уж извините или плюньте на него, не слушайте! Он теперь на весь вечер завёлся.

— Чего ты говоришь — «чушь мелю»! — огрызнулся на неё Игнаха. — Сама на «Русской зиме» была и всё видела...

— Да чего я видела? Из-за тебя чуть со стыда не сгорела, в каждой кадучке — гвоздь! Куда ни глянешь — везде ты бесом крутишься. Ты расскажи, как с бревна обледенелого вверх тормашками навернулся!

— А и расскажу! Чего мне таиться? Что было, то было...

— Да он же ничего постыдного не сказал, — заступился за Игнаху участковый. — Пусть рассказывает, занятно у него получается. Да и на свадьбе лучше языками чесать, чем кулаками, — заметил Валерий Павлович и стрельнул взглядом по сторонам.

За столами — галдеж. Николай с Геннадием Прокопьевичем и их жёнами сидели напротив. Обычно молчаливый и насупленный, Николай

разговорился, бил себя ладонью в грудь, уверяя соседа в правоте слов своих:

— Да таких, как я, в былые годы давно бы уже раскулачили! Я сегодня в деревне самый богатый! — брызжа слюной, доказывал он гармонисту. — Не веришь? Да я могу самолёт себе хоть бы хны купить, а легковушку — так то и подавно!

— Верю, верю! — усмехнулся Геннадий Прокопьевич. — Ты теперь и ночами, наверное, не спишь — деньги караулишь! А вдруг да украдут или — хуже того — придут и дух из тебя выпустят.

— Меня обворуют? Да не на того напали! — уверенно заявил Николай. — Всё у меня под замками прочными, а взламывать начнут — телефон есть. Зря, что ли, на него уйму денег ухлопал, да и сейчас каждый месяц плачу? Чуть что — номер наберу, милиция быстро примчится. Вот так-то! Да и сам я ещё пока в силах, могу отпор дать.

— Ерунду ты, Николай, порешь! — вмешался в разговор Фрол Фомич. — Я вот жизнь свою считай уже прожил, а вот денег таких не имею и тебе, между прочим, ничуть даже не завидую. Жалею даже!

— Себя пожалей! — огрызнулся Николай. — А меня не надо!

— Во-во! Мы какие! — Фрол Фомич перекинул ногу через скамейку и подошёл сзади вплотную к мужикам. — А ты, Николай, не ерпенься! Ведь и вправду мне очень тебя жаль... по-соседски жаль. Вот ты кичишься: денег у тебя куры не клюют, аэроплан купить можешь. А ведь не купишь! И не потому, что не продают... Ты жмот!

Николая как пчела ужалила. Он и вилку на стол положил, дёрнулся с места, но Фрол Фомич властно осадил, опустив свою широкую и пухлую ладонь ему на плечо:

— Да ты не рыпайся! Посмотри кругом! Вот хвалишься богатством своим, а у тебя дочка рядом живёт и с копейки на копейку перебивается, хлеб в магазине под запись берёт. Внуки оборванцами бегают, а ты... «Денег куры не клюют, самолёт купить могу, машину»! Скопидом!

— Ты в мою семью не лезь! — сверкнул глазами Николай. — Никто дочку мою не гнал за безработника замуж выходить! Пусть теперь так и живёт, и мается! А у него в голове только рыбка да рябки-потеряй деньки, да глотка лужёная. Копейка в кармане появится — он уже в магазин бежит. А её, копеечку, беречь надо!

— Да ну тебя! Богач тоже нашёлся! — с упрёком хмуро проговорил Фрол Фомич. — Ладно, зять не по душе тебе. Но ведь — глаза-то разуй! — во всей деревне дома давно уже шифером покрыты, а у тебя, как во времена царя Гороха, дранкой осиновой, да и изба кривобоко стоит. У какого мужика ещё такие «хоромы» имеются?

Геннадий Прокопьевич не встревал в спор, отвернулся в сторону и о чём-то вполголоса разговаривал с женой, а потом, косо зыркнув на мужиков, вышел из-за стола и негромко запиликал на тальянке. Склонив головушку, он уперся подбородком в меха да будто и уснул на них, а на самом деле из-под приспущенных век смотрел в сторону крайнего к выходу стола, за которым шумно разговаривали уже окосевшие парни. Особо выделялся у них белобрысый с закатанными по локоть рукавами рубахи. Он стоял за столом, размахивал руками и слова никому не давал вымолвить, тоже о чём-то стырил.

— Так вот, — продолжал рассуждать Фрол Фомич, — неправильно ты живешь, ох, неправильно. И бабу свою замордовал, смотри, — кивнул он на безмолвно сидящую рядом жену Николая, — голос при тебе боится подать. И людей ты зря сторонишься! Ай, да чего с тобой говорить! Всё равно что столбу телеграфному! В деревне не без уroda...

— Стоп! Стоп! — на весь зал закричал участковый и рванул из-за стола к расшумевшейся ватаге отдельно сидящих молодых и шумливых гостей.

Там уже созревала потасовка. Валерий Павлович разнять их не успел. Белобрысый, опрокидывая на пол посуду, разъярённой кошкой вцепился в сидящего напротив и силился вытащить его из-за стола. Тот сопротивлялся, будто прилип к столешнице. Но белобрысый оказался проворнее: оторвал оппонента от стола, потащил силком к выходу. И вот уже распахнул ногой входную дверь. Вся ватага хлынула на улицу.

Участковый, натываясь на людей и на ходу принося извинения, выскочил следом за нарушителями порядка.

— Васька! — закричала Верка. — Чего сидишь, как корову продал? Заводи свою балалайку да погромче! Танцевать будем! Дамы приглашают кавалеров! — объявила она на весь зал. — А то мужиков наших что-то не в ту степь потянуло...

Василий, уже ерзавший на месте — то ли за столом сидеть, то ли на улицу бежать и мужиков унимать, — тут же повернулся к подоконнику, и магнитофон грянул на всю катушку. Он выглянул в растворенное окно, но на дворе никого не было видно, только голоса доносились с крыльца, а когда обернулся, замер от неожиданности — перед ним стояла с протянутыми руками Верка:

— Вася, не пялься в окно — выпадешь ненароком! Ничего там интересного нет. Танцевать приглашаю.

— Меня? — Бобыль с удивлением ткнул себя пальцем в грудь. — Танцевать? Да я же не умею, — смущённо проговорил он, поднимаясь из-за стола. — Все ноги тебе отдавлю.

— А ты поосторожней! — скокетничала продавщица и, косясь на дверь, положила ему на плечи свои теплые ладони.

Танец был медленный, но Василий двигался неуклюже. Он смотрел себе под ноги, шараясь из стороны в сторону. Их теснили другие пары — даже Пелагея своего Фрола Фомича с места сорвала, вывела на серединку зала. Жених тоже не утерпел, невеста было ринулась за ним, но тот её остановил:

— Да я к мужикам сбегать только! Чего они там взбеленились?!

Настасья Прокопьевна остановила сына около дверей:

— Не ходи туда! Без тебя разберутся! А то ещё не хватало в день свадьбы своей по шее получить! Да и Валерий Павлович с ними! Наведёт он порядок — на то у него и погоны навешены! Иди на место! Чего, невеста, что ли, скучать сюда приехала? А парни твои не ахти оказались. Пить им нельзя... Или только воды с укропом! Не опьянеют и не простудятся.

Борис молча стоял перед матерью в нерешительности, не снимая ноги с порога: идти, не идти следом за участковым. Но тут дверь распахнулась и в избу один за другим потянулись парни, возбуждённо разговаривая на ходу и оборачиваясь, словно проверяя, не отстал ли кто. Они вновь расселись за столом, на котором уже не было ни битой посуды, ни залитой самогонном и липким деревенским пивом скатерти. С улицы пришли все, не было только участкового и того белобрысого, ставшего зачинщиком чуть было не разгоревшейся потасовки.

Жених сидел рядом с невестой. Озабоченности на его лице уже не было, но он нет-нет да и кидал взгляд поверх танцующих пар на входную дверь.

Николай, который наотрез отказался от танца: настроения, мол, нету, да и ноги до боли в огороде натрудил, — переметнулся со своего насиженного места и уселся напротив молодых. Его жена сиротливо сидела в сторонке и молча смотрела то на танцующих, то на мужа, присваивая к Борису с расспросами:

— Инженером, значит, работаешь? И где?

— На заводе, — ответил кратко Борис. — Куда направили, там и работаю...

— И чего на заводе том делают? Не секретное? Борис усмехнулся:

— Да какие могут быть секреты! Станки ткацкие выпускаем...

— Ну, и как, работа нравится?

Собеседник пожал плечами:

— Работа как работа! Не скучная, главное! Что-нибудь да кумекаем, придумываем...

— А зарплата какова? Или у вас, инженеров, окладом она называется?

— Не обижают. Здесь, в колхозе, такие зарплаты и во сне не снились. Ну, может, у председателя, да и то вряд ли...

— Да-а-а, — протянул, соглашаясь, Николай, — у нас в колхозе денег так скопить — дело простое и не всякому удастся такое... Жена, наверное, тоже на большом окладе сидит? Вон какая нарядная! Как королева!

— Она в школе работает. Детишек уму-разуму учит. Зарплата как и у всех учителей. На окладе тоже. В общем, жить можно, во всяком случае, маму уже давно не дою. И на учёбу сам себе зарабатывал — по стройкам катался каждое лето. А твой Андрюха как?

— Сынок? — оживлённо переспросил Николай, давно выжидавший этого вопроса. — Все ещё учится! Он у нас лётчиком захотел стать. Нынче заканчивает. Но, писал, пока на «кукурузнике» летать будет, пассажиров перевозить. Вот вы на будущий год сюда соберётесь — на пилотов смотрите: может, и с Андрюхой моим полетите! Зарабатывать тоже, наверное, неплохо будет...

— Конечно, пилот всё-таки! — согласился Борис. — Молодец, Андрюха! А в школу ходили — меньше его, пожалуй, и не было никого. Я ещё

ему все время помогал сумку таскать. Выладился, значит, раз в лётчики взяли...

Николай хотел ещё что-то рассказать, похвалиться, что сын тоже учился справно и даже денег у них на учёбу не выпрашивал, на полном государственном обеспечении был, но музыка сменилась, пары распались. Кто-то вновь стал рассаживаться за столом, а парней из-за стола словно ветром сдуло. Они выскочили в середину зала и уже изгибались в тряске, будто под электрический ток попали. К ним присоединилась и Верка-продавщица. Она трясла распущенными волосами, задирала руки к потолку, словно хотела достать и выкрутить висящую на потолке лампочку, да никак не могла это сделать.

Бабы рассаживались поудобнее, осуждающе смотрели на молодёжь, перекидывались друг с дружкой редкими репликами, обменивались едва приметными ухмылками.

Николая кышкнули с места:

— Ладно, потом поговорим, — кивнул он молодым и поднялся.

Пошёл на своё прежнее местечко. А там, наклоняясь друг к дружке, о чем-то беседовали Наталья Архиповна с соседкой.

— Я ещё подойду, — на ходу обернулся Николай и присел на скамейку, но на скачущую будто на пружинах, кричащую и гикающую молодёжь глаза тарашить не стал. Он сел за стол спиной к залу, махнув рукой назад:

— А ну их! Скачут как бесы! А Верка и девка — красавица, а тут — ведьма ведьмой!

Никто и не заметил появления участкового и белобрысого гостя, который уже вовсю прыгал в толпе своих приятелей и, словно ничего и не бывало, скалился во всё лицо. Валерий Павлович, приплясывая боком, продвинулся к столу и уселся к своему притихшему компаньону-плясуну:

— Может, тоже покажем класс? — предложил он Игнахе, положив ему руку на плечо.

— Это не моё. Давай-ка, — глянул он на участкового, подвигая к себе ополовиненную бутылку самогона, — по сто грамм примем на грудь. Ну, за молодых уже пили... За что? Давай за пляску русскую!

— Нет-нет, я не буду! Домой же поеду, — скороговоркой ответил Валерий Павлович и опрокинул вверх дном стоящую перед ним стоп-

ку. — А ты, смотри, как хочешь. Свадьба на то она и свадьба — пить да веселиться!

— Ну, дело твоё, а я выпью, пожалуй! За нас с тобой! — и набулькал себе в стопку, но пить сразу не стал — поговорить хотелось. — Я тебя, — устался он на участкового, — и раньше знал, но как-то, — Игнаха покрутил перед собою пятерней, подбирая слова, — так, краешком глаза видывал да воплуха слышал. Знаешь, не думал, что вот так за одним столом сидеть буду, и в обнимку даже... Хочу за это с тобой выпить. Уважь, Палыч!

— Если чуть-чуть, капельку всего...

Игнаха обрадованно потянулся за бутылкой, но чуть не опрокинул.

Валерий Павлович перехватил:

— Дай-ка сам налью, а то у тебя что-то неловко получается! Зальём стол — хлопот лишних хозяевам наделаем, — булькнул раз-другой, поднял стопку и посмотрел сквозь неё на лампочку.

— Да не смотри, — проговорил Игнаха, — самогон куда хошь! Пей, Палыч! За что? А, — спохватился он, — за пляску русскую! Держи, а потом я тебе свою тайну военную по секрету открою...

Они выпили. Игнаха закусил на скорую руку и, оглядевшись, сжал ладонь в кулак с торчащим вверх большим пальцем, начал нашёптывать на ухо участковому:

— Во, самогон! А знаешь, кто гнал? — спросил Игнаха и, не дожидаясь ответа, застучал в свою распахнутую грудь и гордо заявил: — Я! Собственной персоной... И ни капли до сегодняшнего дня не пробовал! Был уверен, что вот такой получится! — постучал он вилок по стеклянной посудине.

Валерий Павлович отшатнулся от собеседника, посмотрел на него удивлённым взглядом и поманил его пальцем к себе. Игнаха переменился в лице, пьян-пьян, а смекнул — лишку, наверное, болтанул, но наклонился к участковому и руку локатором сделал — к уху приставил, чтобы в шуме гуляющей свадьбы ни единого слова не пропустить.

— А вот об этом, — зашептал ему участковый, — ты больше никому не говори. Молчи в тряпочку! Беды на себя накаркаешь — потом греха не оберёшься! Я ещё ничего — могу и глаза закрыть, мимо ушей пропустить, а вот... — Валерий Павлович замолк на мгновение, выискивая кого-то среди

танцующих. — А вот того с волосами кудрявыми белыми остерегайся! Ему об этом — ни гу-гу!

Игнаха, глядя на толпу, ткнул указательным пальцем:

— Вон тот?

— Этот, этот! — шепнул Валерий Павлович. — Да перстом не указывай! Нехорошо...

— А чего? — усмехнулся Игнаха. — Неужто тоже за грудки схватится? Сам же пьёт — мимо не выплётскивает. А то что он хулиганистый, так мне и наплевать. Я у себя дома. Мужики чуть чего — заступятся, да и бабы тоже кому хошь глаза выцарапают.

— Дело не в этом, — так же тихо заговорил Валерий Павлович. — Какой уж есть он. Молодой, задиристый... Другое важно. Он сейчас у нас в отделе стажёром ходит. На тракторе работал, но к нам переметнулся. А какое у него нутро — не знаю, не разгадал пока. Но гнилое, кажется... Так что на ус мотай!

— Понял, понял! — затараторил Игнаха и кинул пристальный и посерьёзневший взгляд на стажёра, словно старался запомнить его в лицо, а потом живо предложил:

— Может, ещё по чуть-чуть?

Но Валерий Павлович категорически отказался:

— Мне не наливай! А себе — смотри! Обожди-ка, мне выйти надо — дело есть!

Он встал из-за стола и, сторонясь пошатывающихся, натыкающихся на столы танцующих, подошёл к присевшей на табуретку Настасье Прокопьевне, что-то зашептал ей на ухо, а потом махнул кому-то в толпу.

Из мелькающего пестротой круга бабочкой выпорхнула завклубша Валентина Ивановна, наклонилась к участковому. Он сделал ладони рупором, что-то говорил ей. Завклубша улыбнулась и закивала головой. Валерий Павлович внимательным ухажёром подхватил под локоток обеих, встал со скамейки, и они все вместе скрылись за занавеской.

Игнаха наполнил себе стопку, но один пить не решался — сидел и, словно сыч, крутил головой, выискивая себе нового компаньона и собеседника. Встретился взглядом с женихом, приветливо кивнул ему. Тот в ответ жестами показал: чего, мол, стесняешься — не робей и не скучай за столом! Игнаха поднял стопку и, плеская себе на

штаны, поднял её чуть ли не выше головы, потрянул, будто чокается с молодыми, опрокинул её до дна. Жених одобрительно кивнул и крепко пожал сложенные крест-накрест ладони.

Магнитофон вдруг закапризничал, запел скороговорками — быстро-быстро, а потом заскрипел и затих.

— Кинщик! Посмотри-ка, почему кино кончилось?

— Сапожник! На мыло! — кричали возбужденные затихшей музыкой парни.

— Молодец, Василий! И магнитофон твой тоже! Знает, когда тормознуть! Пора и передохнуть! Перекур, мужики! — объявил белобрысый, бухнулся на стул и по-барски развалился.

Василий склонился над подоконником, сконфуженно копошился с магнитофоном, на пол тонкой змейкой сползала распутываемая им лента. За столами вновь загалдели, зазвенела посуда, булькал самогон. Тост поднял сам жених — за всех своих гостей, за свою деревню.

Кто до дна выпил, кто чуть губы промочил, украдкой пряча от соседей и жениха с невестой свои недопитые стопки среди посуды на столе. А Верка-продавщица извернулась влоботорта и, расплескивая самогон, поставила его позади себя на подоконник.

— Тихо! — крикнула вдруг жена Игнахи. — Кто-то к нам стучится! Гости, наверное, запоздалые приехали. Откроем им?

— Чего спрашиваешь? — за всех ответил Геннадий Прокопьевич, перебивая басом другие голоса. — Открывай! Гостям мы всегда рады!

Отворили дверь. Все в зале разом притихли, удивлённо таращили глаза, а Игнаха даже вилку обронил. Она со звоном упала на заставленный посудой стол, потом соскользнула на пол.

В избу вошли две цыганки в длинных цветастых платьях, туго перетянутых в талии, на головах — такие же пёстрые платки. Розовощекие, с густо накрашенными губами и бровями, подведенными дугой. Гости с порога представились знакомыми, мол, так и так — отстали от табора, зашли на огонёк, а тут свадьба. Потом одна цыганка пустилась в пляс, а вторая, что повыше, шаря рукою глубоко за воротом платья, подошла к самым крайним столам, где смеялись и перешептывались самые молодые гости. Те терялись в догадках: кто же так нарядился?

Цыганка вытащила колоду карт и оглядела парней:

— Гадаю! Гадаю! Прошное, будущее — всё предскажу!

— Дайте послушать! И сами не смотрите, и другим не даёте! — ворчливо проговорил Геннадий Прокопьевич на сидящих по обе стороны женщин — жену и Светку-почтальонку, которые без устали делились своими предположениями о прибывших.

Они тыкали его в бока, заставляя то откидываться назад, к самой стене, то колотили по спине, вынуждая наклоняться и чуть ли не окунать нос в миски с закусками.

— Надоели! — шикнул Геннадий Прокопьевич на раззегозившихся баб-соседок. — Разуйте глаза! Неужто не узнаете? Да тут всё ясно, тут не судить-рядить надо, а мыслить, соображать. Вот которая гадает — это наш участковый...

— Да ну! — удивилась жена.

— Баранки гну! — оборвал её муж и легонько отмахнулся, будто муха над ухом зажужжала. — Взгляд у вас бабий, да и ум тоже! Куда вы смотрите? На лица?

Бабы дружно кивнули:

— А на чего ещё!

— Ну и дуры! — хохотнул Геннадий Прокопьевич. — У меня глаз намётан и взгляд на баб вполне мужской! Я на ноги первым глянул, под подол зыркнул, и сразу стало понятно. Смотрите, у той, которая с картами, из-под подола сапоги яловые торчат. Значит, это он, — многозначительно потряс пальцем, — мужик это. И не кто иной, как наш участковый. Уразумели мою тактику? А вторая — Валька-завклубша! Толь у неё туфли такие — она на сцене в них всегда крутится. В наших краях ни у кого больше нет обуви с такими высокими каблуками... Да их обоих и не было среди всех — значит, в клуб бегали, наряжались. Правильно мысля? — посмотрел он по сторонам.

Но бабы уже не обращали на него внимания.

— Василию! Василию погадай! — встав с места, закричала Светка-почтальонка.

— Василию! — будто эхо, вторила ей Лидия. — Когда у него на свадьбе гулять будем? Заждались уже! Неужто до старости холостяком пробегаешь? Давай нагадывай ему невесту путёвую!

А цыганка-ряженка около него и крутилась, через стол просила его руки. Василий сначала

ужимался, прятал ладони в коленях, но та не отступала. За столом на него зашумели: чего, мол, жеманишься, будто девка красная, давай показывай, а то всю жизнь в бобылях проходишь. Потом он всё-таки протянул свою пятерню. «Цыганка» внимательно посмотрела на ладонь, что-то пошептала и молча уставилась в потолок. Все замерли в ожидании ответа.

— А ведь женится у вас Василий! — вдруг выпалила она. — И невесту найдёт не здесь, издалека привезёт. Жить будут душа в душу! И детей будет полон дом. Завидовать ему будете!

— Ну, сказанула тоже! — поморщился в твёрдом сомнении Игнаха. — Невесту привезёт, да ещё издалека? Не бывать такому! Свои деревенские на его удочку не клюют, а тут — откуда-то? Может, Борису поручим — пусть там, в городе, поищет? Глядишь, к какой крале и подберёт ключики?

— А свадьба когда будет? — тут же спросила Лидия. Услышав, что скоро, добавила: — Завтра же платье новое заказывать побегу, чтобы по такому случаю лучше всех нарядиться.

— И я гармонь далеко прятать не буду! — пробасил Геннадий Прокопьевич. — Позовёт — не позовёт, а с гармошкой на свадьбе всегда примут...

«Цыганка» ещё раз уставилась в потолок, а потом — на смеющегося вместе со всеми Василия, поманила его пальцем и что-то начала ему шептать на ухо. Он только кивал, но уже без той широкой улыбки на лице.

Вторая цыганка плясала подле столов, подол её платья развевался веером, сама она умело передёргивала плечами. Геннадий Прокопьевич посмотрел на гадалку и спохватился, только когда о гармошке заговорили: мол, играть же надо, чего она без музыки юлой вертится! В избе грянула «Цыганочка». Светка-почтальонка не стала ждать предсказаний своей судьбы, выскочила из-за стола к ряженой, с которой не раз по праздникам бывали на сцене, и тоже затрясла плечами, звонко подпевая подруге.

Игнаха стал смелее, не искал глазами компаньонов, а хозяйскою рукою угощал сам себя, что-то бубня под нос. Потом всё-таки окликнул Фрола Фомича и кивнул на стоящую перед ним бутылку. Тот сначала ответил жестом: время, мол, не подошло:

— Гадалку жду, — пояснил потом он. — Пусть

скажет, кто из нас вперёд в мир иной уйдёт: я или старуха моя. У нас сейчас один вопрос...

— Да и гадать нечего! — услышала его Пелагея. — Помяни меня, вдовцом останешься — ещё и жениться успеешь! Переживешь ты меня, переживешь...

— А я, может, так не хочу! Уж вместе, так вместе, — с серьёзным видом рассудил Фрол Фомич. — А ты мелешь — жениться буду. Да никогда! Ежели что, я и как лебедь могу... Сейчас узнаем — к нам уже гадалка подбирается.

Но только Фрол Фомич протянул «цыганке» свою пухлую мозолистую ладонь, за спиной загремела посуда, со звоном посыпалась на пол. Он обернулся: судорожно вцепившись в скатерть, медленно сползал со скамейки Игнаха, тарелки, рюмки, ложки с вилками сыпались на пол. Как ванька-встанька, покачиваясь, ползла по столу бутылка самогону.

Жена ещё пыталась придержать его под мышки, но, судорожно хватаясь жилистыми руками за скатерть, он оседал и оседал. Над столешней уже торчала только голова Игнахи с разинутым, как у рыбы, выгашенной на берег, ртом да глазами немигающими, осоловелыми. «Цыганка» бросила на освобождённый от посуды стол карты, которые легли веером, и, сопровождаемая встревоженными взглядами, направилась в обход к Игнахе. С другой стороны пробирался на помощь жених. Но не успели. Жена Игнахи и шустро подскочившая почтальонка не сумели его удержать. Он грузным мешком рухнул на пол, давя с хрустом и звоном оброненную им же посуду.

Валерий Павлович с Борисом подхватили Игнаху под руки:

— Не спеши — пораним ещё, — вполголоса предупредил участковый. — Осколков-то! Ступить некуда.

Они осторожно подняли его, посадили на скамейку. Жена, охая, честила благоверного, приговаривала:

— Стыдоба какая! Все как люди, а он — зюзя зюзей! Надо же до беспамьятства напиться! Вы уж не обессудьте нас, — заискивающе посмотрела она на участкового, утирая носовым платком перепачканное салатом лицо. — А пиджак, а рубаха! Ведь всё чистое давала!

Валерий Павлович придерживал Игнаху за плечо.

— Да ничего страшного, перебрал малость. Не беда это! Вот кабы расскандалился или драку затеял, а он слова плохого не обронил. Ну перепачкался — и по трезвой голове такое может случиться. Всё нормально!

Игнаха, слыша людские голоса над самым ухом, мычал, потом поднял голову и непонимающим взглядом стал озираться.

— Да на свадьбе, на свадьбе ты! — пояснила жена и добавила: — Алкаш ты этакий! Извинись хоть перед хорошими людьми.

Он неуклюже повернулся, провёл взгляд вверх по придерживающей его за плечи руке:

— О-о-о, — затянул он, — Палыч! Плясать будем?

— Будем, будем! — бодро ответил участковый, увидев, что Игнаха начал приходить в себя, людей узнает, а главное — ни одной царапины на нём: как-то удачно на пол свалился; одежда — чепуха, её и сменить можно. — Ты-то сможешь?

— Нет, — мотнул головой и снова пошатнулся Игнаха. — Я уже не плясун. Спать буду. Пьян очень... Потом попляшем. Домой... Домой надо! — он попытался подняться на ноги, но тут же бессильно опустился на место.

— Да куда ты, Игнатий? Пойдем, прикорнёшь малость, а там, может, и спляшешь ещё, — попытался уговорить его Валерий Павлович. — Кровать или диван найдутся для тебя...

— Домой... Домой, — заупрямился Игнаха и напыжился, пытаясь снова встать на ноги, но безрезультатно. — Только домой!

Участковый обернулся на уже отошедшего от них Бориса и показал пальцем сверху на Игнаху. Жених всё понял, кивнул на дверь комнаты, где на широкой заправленной кровати валялись сброшенные ещё во время пляски милицейский китель и портупья с кобурой.

Жена Игнахи, увидев, что Валерий Павлович подлаживается поудобнее ухватить её благоверного, чтобы увести на кровать, сказала:

— Без толку его здесь укладывать — глаз не сомкнёт, домой рваться будет — никому не остановить. Сколь с ним живём — в людях никогда не оставался! Бывало, пьян вдрабадан, а всё равно на карачках, да приползёт. Домой везти придётся, — вздохнула она, бросив завистливый взгляд на собравшихся в круг и готовых к пляске гостей.

Геннадий Прокопьевич уже сидел на стуле и

неспешно поправлял на плече ремешок гармошки.

— Помоги, пожалуйста, хоть до двери его довести, — Лидия робко попросила Валерия Павловича. — А там я как-нибудь сама с ним управлюсь...

— Домой, значит? Ну и мужик! Чего бы ему здесь не проспаться — кровать есть, спи да спи, как фон барон! А он — домой надо! Ну да что же... Пошли! — участковый подхватил его под мышки, повёл вдоль столов.

Игнаха неуверенно шагал мимо веселящихся, пытался им улыбнуться и помахать на прощание рукой.

На мгновение гармошка замерла.

— Может, помочь? Включай, Василий, магнитофон! — предложил Геннадий Прокопьевич, который среди мужиков оказался самым стойким: его то ли хмель сегодня не брал, то ли он хитрил и не всё подряд за ворот заливал. Он уже начал снимать гармошку с плеча.

— Не-е-е, — замотала головой жена Игнахи. — Уйдем мы, только вот Валерий Павлович за двери выведет. Чего из-за нас свадьбу будете кулкать!

Рванулся было на помощь и Борис, но участковый осадил его: сегодня, мол, тебе, жениху, место определено — сиди и не дергайся! Настасья Прокопьевна суетилась около столов, но оторвалась от дел своих и незаметной мышкой подскочила к выходу:

— Как жаль, что уходите! — покачала головой. — Гулять ещё и гулять! Может, придешь потом? Проспится, — глянула она на Игнаху: тот смотрел на неё, едва удерживая голову, и улыбался, пытаясь поймать хозяйку в прощальное объятие.

Настасья Прокопьевна отклонила от его цепких рук:

— Игнатий, извини, на посошок не подаю. И так, вижу, тяжёл — до дому бы дошёл. Да полежал бы здесь...

Игнаха в ответ замотал головой, забормотал:

— Только д-д-домой! — и сам, силясь, поставил ногу на порог.

Хозяйка ухватила под локоть соседку:

— О посуде — не бери в голову! Разбилась — и не беда! Значит, к счастью, значит, так было Богу надо. Живы будем — другую купим, обновим! А ты, — уже вполголоса добавила Настасья Прокопьевна, — уведёшь его, а сама приходи. И один проспится. Правда, Игнатий?

Игнаха согласно закивал; участковый, уже в кителе и фуражке, открыл перед ним дверь.

Навстречу им хлынула плотная ночная прохлада. На небе зажаристым румяным блином блистала луна, в окружении тусклых мерцающих звёзд. С дороги из-за калитки доносились громкие голоса, переходящие в крики, громовые раскаты хохота. Игнаха, опираясь на участкового и жену, шёл нетвёрдо. Услышав голоса, он остановился на полушаге, замер, а потом закурил по сторонам головой, выискивая в полумраке галдящих на всю улицу.

— Шагай-шагай! — потянула его за рукав жена. — Ребята там курят, прохлаждаются. Иди, не держивай!

Но он упирался упрямым ослом.

— Да, говорю, свои там... — сердилась Лидия.

— Отдыхают, упрыгались, как мы с тобой.

Участковый подхватил его за талию, проводя через калитку. Игнаха, глотнув свежего воздуха, стал держаться увереннее, он покорно пошел вперед, глядя себе под ноги.

— А вы, — обернулся Валерий Павлович на отставшую в узком проходе Лидию, — идите обратно. Уведу и один. Только в дом — как? Попадем?

— Неудобно как-то, — смущенно заговорила она, — увела бы и сама. Главное сейчас — ему до кровати добраться, а там — хоть из пушки пали, до утра храповицкого задавать будет... А дом у нас не закрыт. Дверь веником-голиком припер-

та, чтобы собаки не забежали. Он, — кивнула на мужа, — знает... лишь бы двери свои признал.

— Чего тут неудобного? — возразил участковый. — Неудобно от соседей со свадьбы до поры до времени уходить. В самом разгаре ведь... Идите, мы тут сами...

— Лидуха! Иди гуляй, — не поворачивая головы, пробормотал Игнаха. — А я — домой...

Они пошли, а жена все ещё стояла и смотрела им вслед. Из раскрытой двери выскочила запыхавшаяся Светка-почтальонка:

— Валерий Павлович, ты где? Скоро ли? — закричала она. — Гости скучают. Танцевать не с кем!

— Неужто? — отозвался с удивлением участковый. — Так уж и не с кем? А посмотри: кавалеров — хоть отбавляй! Выбирай любого!

На дороге притихли, потом дружно загоготали. От толпы, приплясывая и приседая на ходу, выпорхнул кто-то из парней. Он отшвырнул в сторону недокурную сигарету, которая искрящимся светлячком, кувыркаясь в воздухе, перелетела через дорогу.

— Ну, пошли, повыкидываем коленца! — подхватил он почтальонку под локоток.

Но Светка все ещё смотрела на удаляющихся по пустынной и сумрачной улице.

— Да не смотри ты на него! — пытался сорвать ее с места оторвавшийся от толпы. — Начальнику не до танцулек! Он при исполнении...

□

Алексей Александрович АКИШИН

родился в 1952 году в дер. Паратенки (Костромская обл.).

Окончил факультет журналистики

Московского полиграфического института.

Около 40 лет работал в районной печати.

Автор двух книг прозы — «Вася-Нептун» (1995),

«На цветущем лугу» (1999).

Печатался в журналах «Охотник» (Москва),

«Губернский дом» (Кострома), «Первоцвет» (Иркутск) и др.

Заслуженный работник культуры Российской Федерации.

Член Союза писателей России.

Живет в селе Павино Костромской области.

